

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

98

ПАМЯТНИКИ КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1964

Г. А. БРЫКИНА

РАСКОПКИ НА ГОРОДИЩЕ КАРАБУЛАК в 1961—1962 гг.

Среди археологических памятников, обследованных в горном районе Юго-Западной Ферганы, очень интересно средневековое городище, расположенное в неширокой долине в кишлаке Карабулак (Ляйляжский район Ошской области).

В 1958—1959 гг. нами проводились здесь раскопки высокого подчетырёхугольного в плане холма-тепе, заключавшего в себе остатки древнего сооружения — дома или замка. В 1958—1960 гг., работы проводились на возвышении в южной части тепе и на восточной половине площадки, примыкающей к возвышению. Кроме того, в 1959 г. была проведена зачистка восточного склона, а в 1960 г. здесь заложена траншея, прорезавшая всю толщу холма до материка¹. В 1961—1962 гг. исследовалась северная часть тепе. Всего в настоящее время на памятнике вскрыта площадь в 1600 м².

Наилучшая сохранность отмечена для северо-восточного угла здания, где можно выделить четыре последовательно сменяющихся строительных горизонта, совпадающих с четырьмя периодами жизни здания. В северо-западном углу обнаружены постройки, относящиеся к двум наиболее ранним строительным горизонтам.

В основе всего сооружения лежит глинобитный цоколь, часть которого обнаружена нами в траншее 1960 г. На цоколе возведены сооружения, относившиеся к первому периоду жизни здания. В этот период оно имело массивную глинобитную внешнюю стену, часть которой исследована нами в 1959 г., и башню в южной части. Ее стена из нарезных блоков открыта нами в 1958 г. (рис. 34).

К этому же периоду относятся пять помещений, вскрытых в восточной части тепе: одно из них — в 1959 г., другое — в 1960 г. (помещение № 26); в 1961 г. к северу от него раскопаны еще три комнаты, стены которых сложены из сырцовых длинномерных кирпичей цепной кладкой и покрыты толстым слоем саманной обмазки. Полы глинобитные, высотные отметки² их — 3,23—3,35 м. Все комнаты в плане удлиненной четырехугольной формы. Вдоль восточной и западной стен помещения № 26 устроены высокие суфы. У западной стены одного помещения, раскопанного в 1961 г., также находилась невысокая суфа, в которую был встроен очаг подковообразной формы. В другом помещении очаг расположен около северной стены. Рядом с ним обнаружено небольшое углубление, в которое, очевидно, ставили кухонные сосуды с уплощенным дном. Сооружения первого периода открыты

¹ Об истории исследования городища, а также о результатах работ 1958—1960 гг. см. Ю. Д. Баруздин и Г. А. Брыкина. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе, 1962 г. (раздел «Земледельческие поселения юго-запада Ошской области»).

² За нулевую отметку принята наивысшая точка в южной части холма.

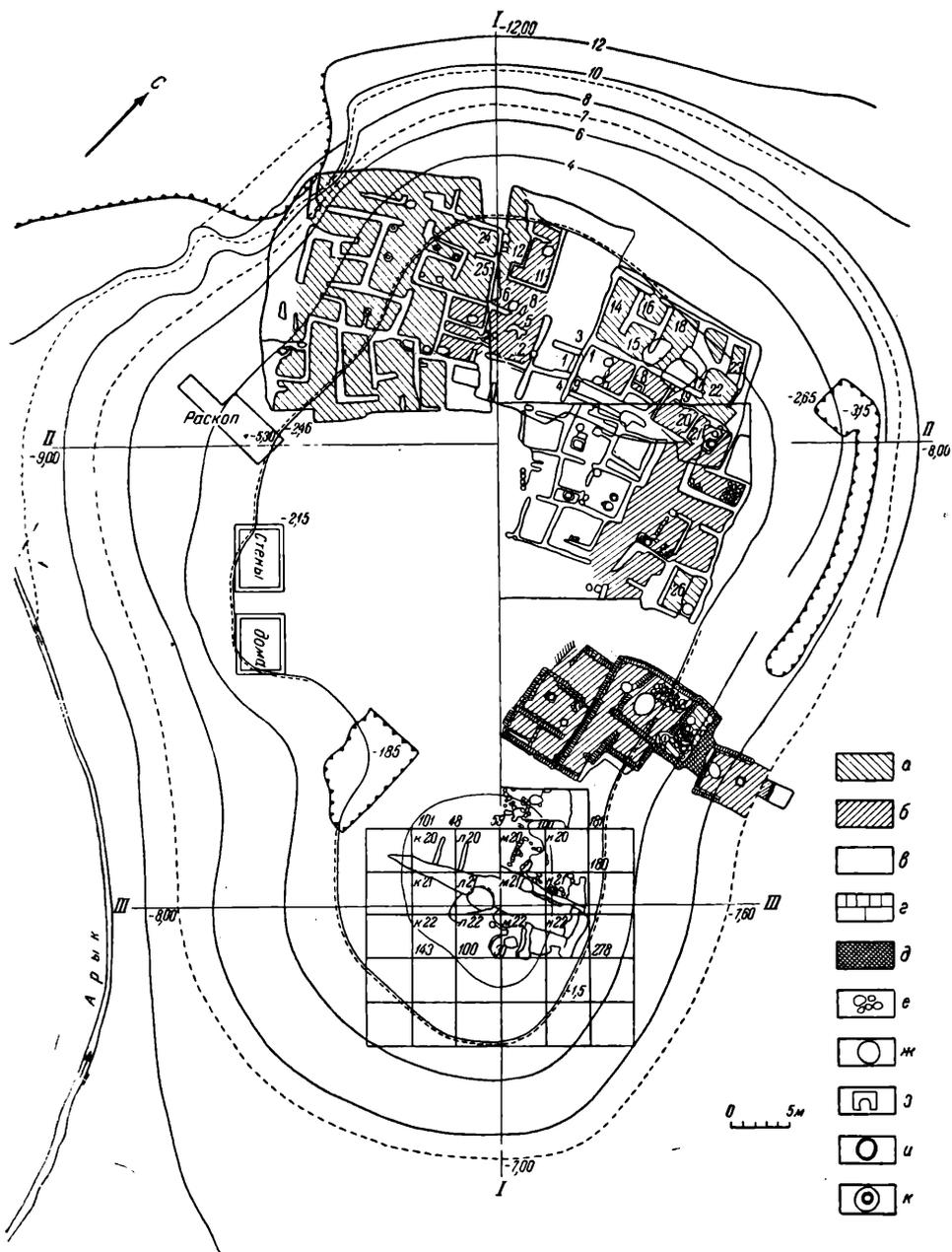

Рис. 34. План городища Карабулак

а — помещение первого периода; б — помещение второго периода; в — помещение третьего периода;
 г — кладки сырцовых кирпичей; д — глинобитные стены; е — каменные вымостки; ж — ямы; з — очаги;
 и — очаги и тандыры; к — сосуды, вкопанные в пол; 1—26 — номера помещений

в северной части тепе. В раскопе 1961 г., в северо-западном углу тепе, 19 помещений из 21 относились к первому периоду. Отметки полов колеблются от 3,12 до 3,5 м. В северо-восточном углу тепе, на участке, ограниченном двумя длинными параллельными стенками, в 1962 г. открыты восемь комнат, относящихся к первому периоду. Отметки полов 3,1—3,59 м.

Ко второму периоду относятся помещения, высотные отметки полов которых колеблются от 2,5 до 3 м. К этому периоду могут быть отнесены все

помещения в раскопе 1959 г., шесть помещений в восточной части раскопа 1960 г., три комнаты в восточной части раскопа 1961 г. и пять комнат в раскопе 1962 г. При возведении сооружений этого периода завалы, образовавшиеся при разрушении первоначального здания, были использованы в качестве платформы. Все комнаты в плане удлиненные четырехугольные, небольшие, площадью до 15—16 м²; три комнаты (раскоп 1961 г.) площадью 6—8 м². Стены сохранились в высоту от 0,2 до 0,8 м. В двух помещениях выявлены подковообразные очаги. В помещении № 8 (1962 г.) в южном углу обнаружен заком, предназначавшийся, очевидно, для хранения продовольственных запасов.

К третьему периоду относятся семь комнат раскопа 1960 г. и четыре комнаты в южной части раскопа 1962 г. Размеры их также невелики. Отметки полов колеблются от 2,1 до 2,4 м.

Сооружения четвертого, наиболее позднего периода выявлены в раскопах 1960 и 1962 гг. Сохранились лишь основания стен, сложенные из крупных окатанных речных камней, располагавшиеся правильными рядами, в основном в направлении северо-восток — юго-запад, с небольшими отклонениями. Камни были положены на утрамбованную глинобитную поверхность, перекрывавшую стены помещений предыдущего периода.

Сооружение помещений всех периодов сопровождалось перестройками и изменением планировки здания. Это хорошо прослежено на всех участках. Планировка каждого последующего периода не совпадала с планировкой предыдущего. Но в отдельных случаях стены помещений первого периода продолжали функционировать и в последующее время. Так, к внешней стене здания первого периода были пристроены помещения второго периода. Длинная стена, возведенная в северо-восточном углу в первый, функционировала во второй и третий периоды. В помещении № 7 (раскоп 1962 г.) к восточной стене, возведенной во второй период, при перепланировке здания в третий период сделана пристройка шириной 48 см. Она возведена на аморфном завале, образовавшемся в связи с разрушением здания предшествующего времени. На пол в целях ремонта неоднократно делались подсыпки. В результате наиболее поздний в этот период пол имел отметку 2,15 м. На нем около южной стены был сооружен подковообразный очаг с прямоугольной оградкой у топочного отверстия.

Полы во всех помещениях глинобитные. В четырех они дополнительно вымощены крупными, плоскими, хорошо окатанными камнями. Как правило, в помещениях второго и третьего периодов у стен уровень полов выше, а к центру помещения они проседают. Это объясняется тем, что подстилающим слоем служит не специальная забутовка, а аморфный рыхлый завал, связанный с разрушением предшествующих построек.

Стены сооружений всех периодов сложены в основном из длиномерных сырцовых кирпичей цепной кладкой. Однако наряду с этим отмечена кладка кирпичей на ребро наклонно. По мнению В. Л. Ворониной, такой способ кладки был одним из антисейсмических приемов в строительстве³. Этим же можно объяснить то обстоятельство, что кирпичи не скреплены крепким раствором, а положены на довольно рыхлый глинистый раствор, что делает стену более эластичной при землетрясениях. В помещении № 24 северная стена сложена из чередующихся рядов камней и слоев глины толщиной 10—12 см. Поверхность стен покрыта ровным слоем саманной обмазки толщиной до 2,5 см. В основании всех стен лежали крупные, хорошо окатанные речные камни. Как правило, стены возводились на плотном глинобитном слое толщиной до 20—25 см. Подстилал его аморфный завал, состоящий из рыхлой земли и обломков кирпичей. Местами отмечено большое скопление золы и древесных углей. Стены не имели прочного скрепления с по-

³ В. Л. Воронина. Древняя строительная техника Средней Азии. «Архитектурное наследство», вып. 3. М., 1953, стр. 12.

верхностью, на которой они возводились: на ней лежал слой рыхлой земли толщиной до 3 см.

О перекрытиях из-за плохой сохранности сооружений можно судить только предположительно. В некоторых помещениях есть завал кирпичей, упавших на торец, что дает возможность допустить сводчатые перекрытия. В то же время в пяти помещениях обнаружены большие куски досок и балок и куски обуглившегося дерева, очевидно, остатки конструкций плоского перекрытия. Почти во всех комнатах на полу ровным слоем лежал древесный глел.

О жилом и хозяйственном назначении открытых помещений свидетельствует наличие в них хозяйственных и мусорных ям, очагов, сосудов, врытых в пол и предназначенных для хранения продовольственных запасов, а также весь комплекс находок.

Из 15 ям, открытых в сооружениях всех периодов, 10 были хозяйственного назначения, а остальные были мусорными. О назначении ям мы судим по их заполнению: мусорные ямы заполнены золистой землей, в них найдено большое количество битой посуды и костей животных. Заполнение хозяйственных ям связано с разрушением здания и состоит из обломков кирпичей, глины.

В помещениях первого периода обнаружены четыре очага подковообразной формы. Фасадные стенки украшены штампованным орнаментом, перед топочными отверстиями находились небольшие, полукруглые в плане углубления, заполненные золой.

Очень интересен очаг, обнаруженный в северном углу помещения № 8 (второй период). Он также подковообразной формы, и его лицевые стороны украшены штампованным орнаментом. Стенки сильно прокалены. Перед топочным отверстием — небольшое углубление, заполненное золой. Оно ограждено прямоугольной в плане оградкой из обожженных плит, поставленных на ребро. Такая же оградка была у очага в помещении № 7, в слое, относящемся к третьему периоду.

В помещении № 21 (1962 г.) очаг расположен около северо-западной стены. Он также подковообразный, но его фасадные стенки не орнаментированы. Внутренняя поверхность покрыта ровным слоем саманной обмазки и слабо обожжена. Полуовальное углубление перед топочным отверстием заполнено золой. Очаги этого вида служили для приготовления пищи. В древности они были широко распространены и характерны для оседлых среднеазиатских народов и в настоящее время⁴. Для обогрева помещений применялись, очевидно, переносные очаги — глиняные толстенные жаровни, обломки которых найдены во многих помещениях. Использование жаровен в качестве переносных очагов отметил Н. Н. Негматов при раскопках в Шахристане. По его сведениям, подобные очаги употребляются таджиками Матчи и в настоящее время⁵.

В сооружениях, относящихся ко всем периодам жизни здания, найдено большое количество предметов материальной культуры, позволяющих судить о многообразии хозяйственной деятельности обитателей городища.

Как и в прошлые годы, в помещениях найдены фрагменты массивных алебастровых столиков. Круг аналогий им был намечен нами ранее⁶. Здесь отметим только, что наиболее ранние находки этого предмета встречены на

⁴ О находках очагов этого типа см. В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище былого Самарканда. Самарканд, 1926, стр. 53; М. Е. Массон. Ахангеран. Ташкент, 1953, стр. 58, рис. 33; Е. Д. Салтовская. Археологические памятники близ кишлака Рохаты. Сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1955 г.», стр. 102—105; В. Ф. Гайдукевич. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. КСИИМК, вып. XIV, 1947, стр. 107; Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Указ. соч., стр. 110, 124.

⁵ Н. Негматов. О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1956 г. Сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1956 г.», стр. 120.

⁶ Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Указ. соч., стр. 96, 113.

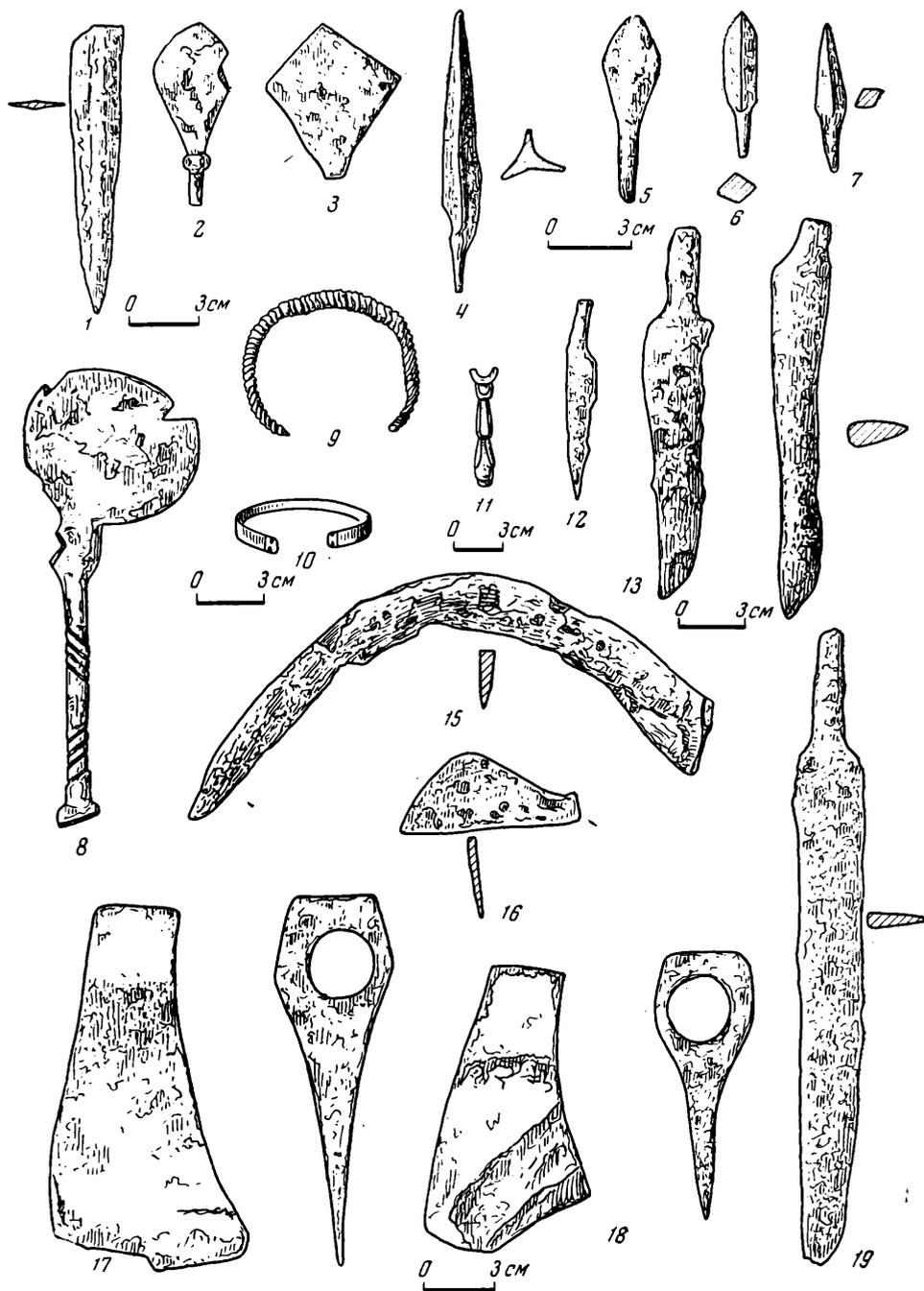

Рис. 35. Изделия из железа и бронзы из раскопок городища Карабулак

1 — фрагмент железного клинка; 2—7 — наконечники стрел; 8 — кыпкыр; 9, 10 — бронзовые браслеты; 11 — бронзовая серьга; 12—14, 19 — железные ножи; 15 — железный серп; 16 — железная бритва; 17, 18 — железные топоры

памятниках VI—VIII вв. Исфары и Баткена. В более западных районах они найдены только на памятниках X—XII вв. Самая западная находка — стол из Мунчак-тепе (XI—XII вв.). В порядке предположения можно сказать, что сюда они распространились из восточных районов.

В помещениях первого и второго периодов найдены два массивных железных проушных топора с расширяющимся лезвием, нижний край которого оттянут; обушок уплощенный прямоугольный (рис. 35 — 17, 18). Топоры — очень редкая находка на среднеазиатских памятниках⁷. В качестве более далеких аналогий можно отметить топоры из хазарского и славянского слоев Саркела⁸.

Интересной находкой, свидетельствующей о большой роли в Карабулаке земледелия, были серпы. Фрагменты их найдены в разных помещениях, в завалах и при зачистке полов. А при зачистке пола в помещении № 1 (раскоп II, 1961 г., восточный край тепе) первого периода найден один целый экземпляр. Серп сделан из тонкой треугольной в сечении пластины. Один конец его заострен, другой, к которому должна прикрепляться ручка, загнут; длина по хорде 27 см (рис. 35 — 15). Большое количество аналогичных серпов найдено при раскопках первого буддийского храма в Ак-Бешиме⁹ в слоях, связанных с разрушением храма, и в слое VI—VIII вв. на городище Пянджикент¹⁰. На городище Мунчак-тепе в слое XI—XII вв. найден целый серп, аналогичный карабулакскому¹¹. В слое, относящемся ко второму периоду, найдена железная лопаточка для размешивания пищи при приготовлении. У нее рабочая часть овальной формы и длинная витая ручка (рис. 35 — 8). В археологических материалах нам такие находки неизвестны, но подобные лопаточки бытуют в настоящее время у киргизов и узбеков и известны под названием «кыпкыр» и «кыргыч».

В завалах и при зачистке полов в помещениях найдены целые ножи и большое количество их фрагментов. Все ножи черешковые, однолезвийные, с прямой утолщенной спинкой и изогнутым лезвием. На черешок насаживалась деревянная рукоятка. Следы дерева сохранились на рукоятках некоторых ножей (рис. 35 — 12—14, 19).

Особую группу находок составляют предметы вооружения — наконечники стрел и кинжал. Наконечники стрел железные, черешковые, формы их различны. Два больших наконечника трехлопастные (рис. 35 — 4). Эта форма наиболее ранняя для Карабулакского городища. Аналогичные им есть в коллекциях из могильников первых веков н. э.¹² Они найдены также и на средневековых памятниках, в частности при раскопках первого буддийского храма в Ак-Бешиме (слои VIII—IX вв. и X—XI вв.)¹³. В помещениях первого периода найдены три плоских, ромбической формы наконечника. Черешок в сечении круглый, у основания поясок, отделяющий его от боевой части (рис. 35 — 2). Форма обычна для X—XI вв. Подобные наконечники встречены на многих средневековых памятниках от Киева до Минусинской котловины, где они есть в Тюхтятском кладе¹⁴. И, наконец, упомянем, три

⁷ Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина (ред. А. Н. Бернштам), МИА, № 14, 1950, табл. XXXVII.

⁸ С. С. Сорокин. Железные изделия Саркела-Белой Вежи. МИА, № 75, рис. 4, 11.

⁹ Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. II, 1959.

¹⁰ А. М. Беленицкий. Археологические раскопки в Пянджикенте. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 37, рис. 4, 9, 10.

¹¹ Гос. Эрмитаж. Экспозиция отдела Советского Востока.

¹² С. С. Сорокин. Боркорбазский могильник. Труды Гос. Эрмитажа, т. V, Л., 1962, табл. II, XV; Ю. Д. Баруздин. Карабулакский могильник. Изв. АН Кирг. ССР, вып. 3, 1961.

¹³ Л. Р. Кызласов. Археологические исследования в Ак-Бешиме в 1953—1954 гг. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. II, М., 1959, стр. 215, рис. 44, 8, стр. 222, рис. 49, 9.

¹⁴ Л. А. Евтюхова. Археологические памятники кыргызов (хакасов). Абакан, 1948, стр. 68, рис. 118.

бронзобойных или пулевидных наконечника, ромбических в сечении. Аналогии им есть среди ак-бешимских находок¹⁵.

Клинок железного черешкового кинжала был ромбический в сечении (рис. 35 — 1). Кинжалы подобной формы со средневековых памятников Средней Азии неизвестны. На Алтае же они найдены в кочевнических курганах VII—IX вв.¹⁶ Кинжалы, аналогичные карабулакскому, есть в Тюхтатском кладе, датированном Л. А. Евтюховой IX—X вв.¹⁷

Из других находок отметим бронзовую ложку, два браслета (рис. 35 — 9, 10) (один — витой, другой — плоский, из согнутых тонких пластин с концами, имитирующими головки змей) и круглое бронзовое зеркало с петельчатой ручкой, прикрепленной с оборотной стороны. Интересны также находки бус, сделанных из различного материала (из сердолика, стекла, кашина). Особо отметим стеклянную кружку, подражающую по форме серебряным, так называемым сасанидским кружкам. Вероятно, она местного производства. О наличии местных стекольных мастерских свидетельствуют находки шлакированного стекла.

Основную массу находок составляет керамика. Она, за очень небольшим исключением, гончарного производства. Несмотря на большое количество находок, разнообразием форм найденная посуда не отличается. Это поливные котлы, горшки, кувшины, сосуды, связанные с молочным хозяйством, крышки, хумы, поливные тарелки, блюда, чаши разных размеров, светильники. Раскопки последних двух лет пополнили коллекцию керамики из Карабулака, за небольшим исключением, лишь количественно, и так как публикация материалов из раскопок предыдущих лет дана нами ранее¹⁸, здесь приведем лишь краткую их характеристику.

Котлы изготовлялись из специального, так называемого котлового, огнеупорного теста с большим количеством мелкого песка и известковых включений (возможно, толченой ракушки). Большинство котлов с широким сферическим туловом, уплощенным дном, с дуговидными или круглыми в сечении ручками, которые прикреплялись под венчиком (рис. 36 — 11). Кроме того, найдены невысокие, большого диаметра котлы с прямостоящими стенками и вертикальными ручками, прикреплявшимися к верхней площадке венчика.

Горшки были разных размеров и разного обжига — желтого и серого (рис. 36 — 8). Тулово их украшалось росписью в виде широких мазков, нанесенных черной и бурой краской.

Широкогорлые, небольших размеров кувшины серого обжига богато украшались штампованным, прочерченным и наlepным орнаментом (рис. 36 — 4, 5, 6).

Узкогорлые кувшины разных размеров изготовлялись из глины с небольшим количеством песка. Тулово и горло их украшались прочерченным линейно-волнистым орнаментом, наносившимся до обжига (рис. 36 — 7)¹⁹.

Для переноски воды, помимо кувшинов, служили сосуды-мургоби. Фрагменты небольших сосудов этой формы, изготовленных из довольно грубой глины и украшенных пятнистой росписью, найдены в сооружениях всех периодов (рис. 36 — 2).

Очень интересна группа сосудов, связанных с молочным хозяйством. Это — маслoбойки и цедилки. В раскопах всех лет в сооружениях, относящихся ко всем периодам, найдены фрагменты толстостенных маслoбоек. В 1961 г. в помещениях первого периода найдены две маслoбойки, врытые

¹⁵ Л. Р. Кызласов. Указ. соч., стр. 222, рис. 49, 45.

¹⁶ С. В. Киселев, Л. А. Евтюхова. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. Труды ГИМ, вып. XVI, 1941, стр. 97, рис. 18.

¹⁷ Л. А. Евтюхова. Указ. соч., стр. 68, рис. 121.

¹⁸ Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Указ. соч., стр. 113—122.

¹⁹ Круг аналогий сосудам описанных форм весьма широк. См. Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Указ. соч., стр. 114—116.

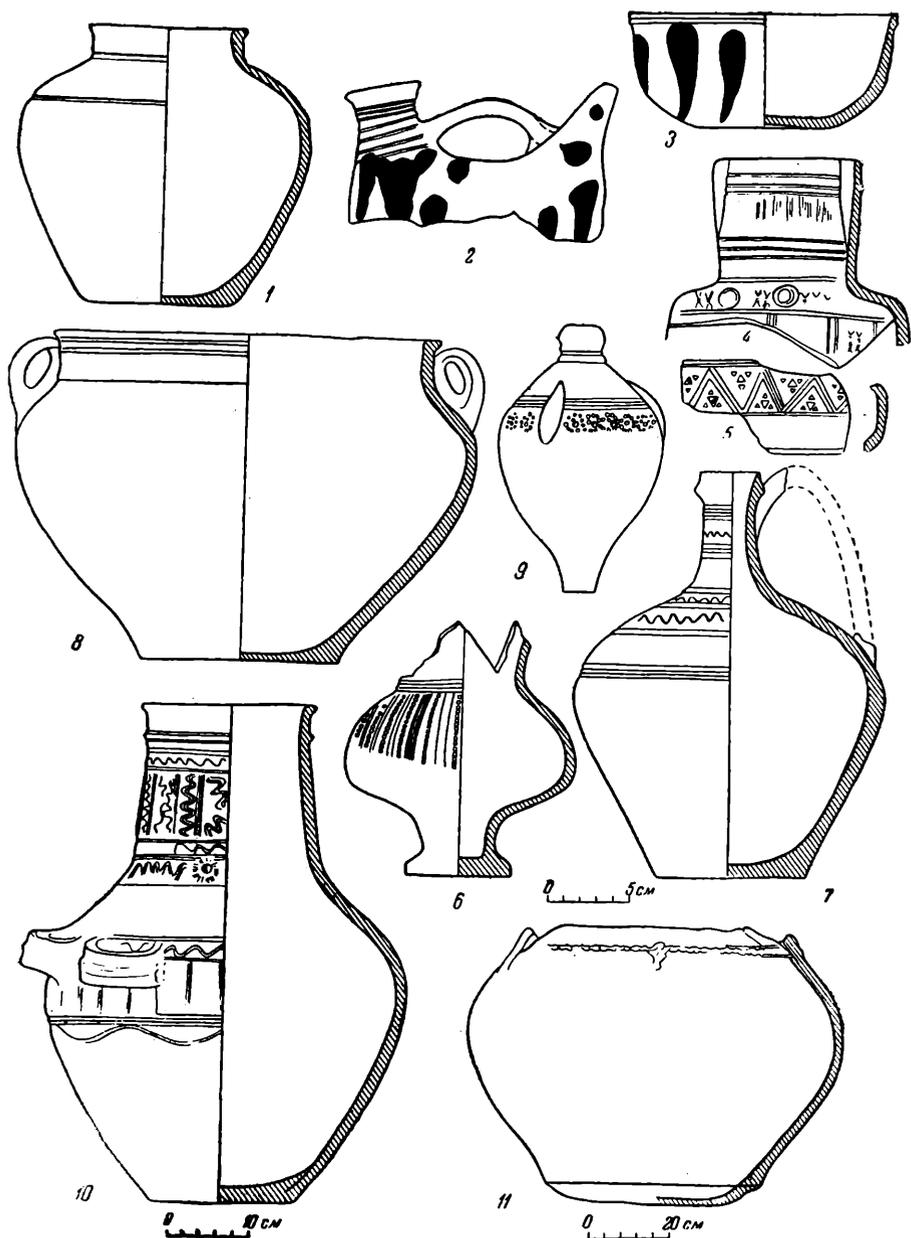

Рис. 36. Керамика из раскопок городища Карабулак

1 — корчага; 2 — верхняя часть мургоби; 3 — миска; 4—6 — части сероглиняных кувшинов; 7 — кувшин; 8 — горшок; 9 — сфероконус; 10 — маслябка; 11 — котел

в пол, что, очевидно, связано со вторичным их использованием для хранения продовольственных запасов. Одна из них сохранилась полностью, другая раздавлена землей. Оба сосуда имеют форму высокогорлых корчаг с очень широким туловом, в верхней части которого есть отверстие, окруженное валиком. Сбоку от отверстия, чуть ниже его располагались две горизонтальные ленточные ручки. Одна маслябка украшена прочерченным линейно-волнистым орнаментом, а другая еще и штампованным (рис. 36—10). Маслябки подобной формы, но меньшего размера, найдены в сред-

невековом слое городища Мунчак-тепе близ Беговата²⁰ и на городище близ Ургута²¹ (в 40 км на юго-восток от Самарканда). Маслобойки описанной формы выделены Е. М. Пещеревой во II тип. Населению средневековых городов Центральной и Восточной Ферганы они не были известны. Здесь использовались другие — цилиндрической формы, — выделенные Е. М. Пещеревой в I тип²². Они найдены при раскопах в Куве. Очевидно, второй тип в средневековье был характерен для Усрушаны и Согда. В настоящее время описанный тип маслобоек известен у таджиков-ягнобцев, а также у узбеков в районе Бухары и Мерва. В последнем они изготавливаются гончарами, выходящими из Каракульского района Бухарской области²³. Цедилки делались в форме мисок с уплощенным дном, биконическим корпусом и отогнутым бортиком, к которому прикреплялась петлевидная ручка. Отверстия диаметром около 1 см располагались по дну и нижней части корпуса. Фрагменты цедилок описанной формы найдены в слоях, относящихся ко всем периодам жизни здания.

В слое, связанном с последним периодом, найдены два целых сфероконуса, украшенных штампованным орнаментом и четырьмя симметрично расположенными в верхней части валиками. Кроме них в сооружениях всех периодов найдены фрагменты сосудов этого типа (до 10 экз.). Все они зеленовато-серого цвета (рис. 36 — 9).

Поливная посуда составляет около 50% всей найденной керамики. При ее изготовлении использовались и глухие и прозрачные поливы. Тарелки, блюда и большие чаши, как правило, покрывались прозрачными поливами желтовато-лимонного и зеленоватого цвета. Прозрачные поливы наносились по ангобу, причем такие сосуды украшались орнаментом сграфито в виде спиралевидных завитков и ломаных линий. Гравировка в большинстве случаев сочетается с пятнистой росписью, выполненной красной, зеленой, коричневой, желтой красками (рис. 37 — 1, 2). Непрозрачными поливами (голубой и зеленой) покрывались небольшие чаши, украшенные по краю зашипами, и светильники с каннелированным резервуаром. Светильники с резервуаром в виде ложки покрывались прозрачной поливой по белому ангобу и украшались пятнистой росписью. Сосуды высоких форм (горшки, кувшины) представлены всего одним фрагментом, сохранившим кольцевой поддон и граненый корпус, покрытый голубой глазурью. Поливная керамика находит широкие аналогии в памятниках X—XI вв. В частности, поливная керамика, аналогичная карабулакской, найдена в замке Калаи-Боло²⁴, на городищах Ахсыкет²⁵ и Кува²⁶, Шахристан²⁷ Мунчак-тепе у Беговата²⁸, Афрасиаб, Мунчак-тепе (Сурхан-Дарьинский)²⁹. Она есть в случайных находках из Андижана³⁰ и Ленинабада³¹. Аналогии двум блюдам, богато украшенным гравировкой и росписью и имеющим треугольный выступ в нижней части бортика, находим в материалах из Самарры³².

При раскопках в течение двух последних лет найдены одиннадцать монет: десять — в дерновом слое и в завале под дерном, одна — при зачистке

²⁰ Фонды отдела Советского Востока Гос. Эрмитажа, инв. № СА 8823, СА 12464.

²¹ Е. М. Пещерова. Гончарное производство Средней Азии. М.—Л., 1959, стр. 304.

²² Там же, стр. 302.

²³ Там же, стр. 304.

²⁴ Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Труды АН СССР, т. XXXV, 1955, стр. 109.

²⁵ Фонды Наманганского музея.

²⁶ Фонды Ин-та истории и археологии АН Уз. ССР, Ташкент.

²⁷ Фонды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР, Душанбе.

²⁸ Фонды отдела Советского Востока Гос. Эрмитажа, Ленинград.

²⁹ Фонды Ин-та истории и археологии АН Уз. ССР, Ташкент.

³⁰ Фонды Андижанского областного краеведческого музея.

³¹ Фонды Ленинабадского областного краеведческого музея.

³² F. Saige. Die Keramik von Samarra. Berlin, 1925, t. XXVI, 2.

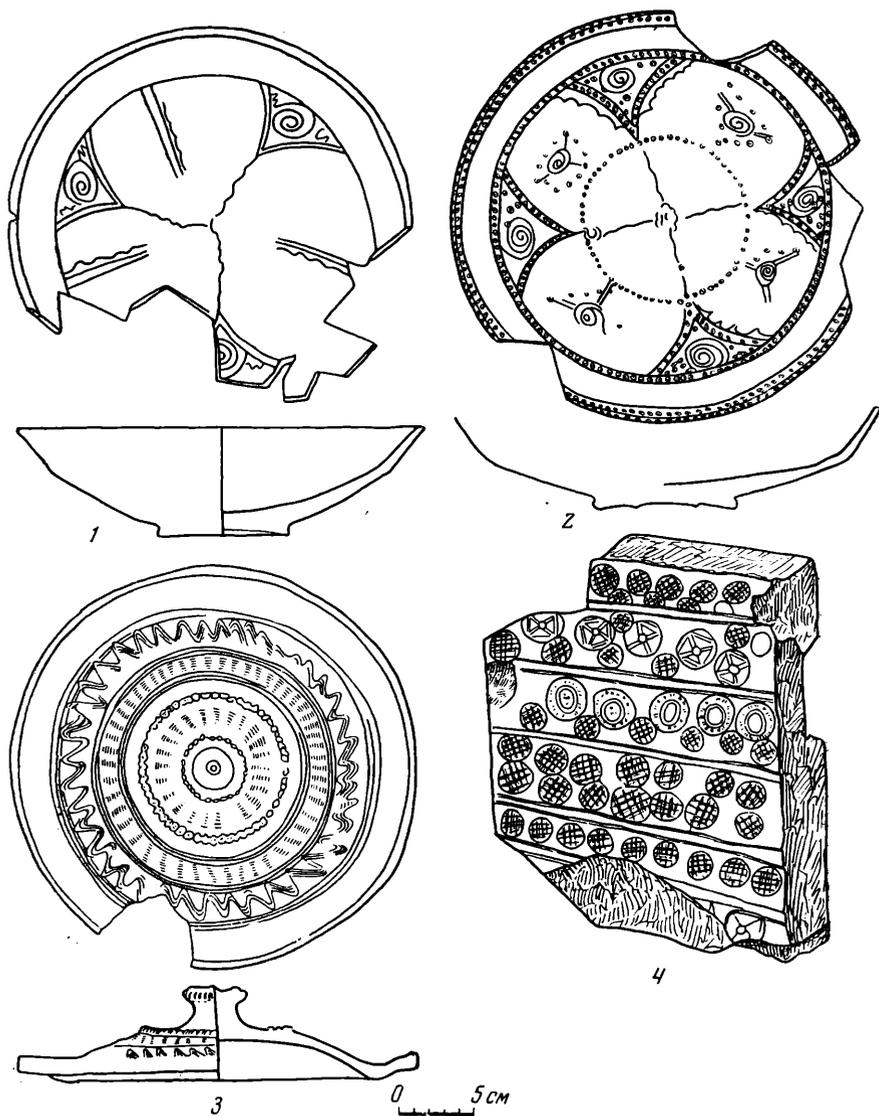

Рис. 37. Керамика из раскопок городища Карабулак
1, 2 — поливные блюда; 3 — крышка; 4 — стенка очажка

тандыра в помещении второго периода. По определению С. А. Яниной, все монеты чеканены в Уэджде (Уэгене) от имени Ибрахима Арслана. Дата их — 570—573 гг. х. (= 1174/1175—1177/1178 гг.).

В целом материал, полученный в результате раскопок, свидетельствует о широких торговых и культурных связях обитателей городища с внешним миром. Он позволяет датировать сооружение XI—XII вв. Поскольку материал очень однороден, более дробную датировку отдельных периодов дать нельзя.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

76

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1959

Г. А. БРЫКИНА

КАИРАК (ГАЛЬКА) С ТЮРКСКОЙ ПИСАНИЦЕЙ
ИЗ АК-БЕШИМА

В 1953—1954 гг. Чуйским археологическим отрядом Киргизской археолого-этнографической экспедиции, работавшим под руководством Л. Р. Кызласова, на городище Ак-Бешим был раскопан большой холм (объект I), скрывавший остатки громадного буддийского храма¹. Храм сооружен в VII в., а в середине VIII в. был разрушен тюркоязычными кочевыми племенами. Развалины использовались кочевниками под временное жилье. Об этом свидетельствуют многочисленные ямы-хранилища и очаги, открытые во всех помещениях храма.

Один из таких очагов обнаружен во дворе храма, в слое, относящемся ко времени его разрушения кочевниками. Очаг находился у северной стены двора на глубине 1,7 м от поверхности холма. Он представлял собой кучу камней, овальную в плане, длиной 67 см, шириной 40 см; камни лежали несколько беспорядочно; они не обожжены. Углей в очаге обнаружено немного, золы почти нет. Это обстоятельство свидетельствует о кратковременном использовании очага. Рядом с очагом найдены кости животных, среди которых череп овцы, и несколько фрагментов керамики (обломки стенок лепных котлов из грубой красного обжига глины с большим количеством песка).

Здесь же была найдена плоская, овальной формы, серая, хорошо окатанная речная галька длиной 34 см, шириной 18,5 см (не входившая в кладку очага). Одна сторона гальки гладкая, а на другой изображена сцена охоты гончей собаки за горным козлом (рис. 49)². Обе фигуры даны в профиль: козел с высокими загнутыми назад рогами, короткой мордой с характерной бородкой и длинными ногами, причем передние короче задних. Изображение статично: козел как бы застыл на месте. Длина фигуры — 10 см, высота — 5 см, высота рогов — 5 см.

Собака изображена в прыжке; у нее длинное туловище, длинные ноги и стоящие уши. Длина изображения — 13 см, высота — 7 см.

Обе фигуры выполнены характерным неполным контуром. Так, изображение собаки сделано пятью не везде сливающимися кривыми линиями, а козла — четырьмя. Линии, образующие контур, сначала слегка прочерчены, а затем углублены очень точными ударами острого металлического орудия. После этого они тщательно заглажены сверху, так что следы орудия почти не заметны. При внимательном рассмотрении рисунка можно

¹ Л. Р. Кызласов. Работы Чуйского археологического отряда в 1953—1954 гг. КСИЭ, вып. XXVI, 1957, стр. 88—96.

² Писаница передана на хранение в учебный музей кафедры археологии МГУ им. М. В. Ломоносова.

Рис. 49. Ак-Бешим. Кайрак с изображением сцены охоты.

установить, что орудие было небольшим, ширина его не превышала 3—4 мм. На гальке еще есть несколько незаглаженных бороздок, выбитых им же. Они нанесены раньше изображений. Очевидно, это остатки неудачной первоначальной попытки, от которой затем древний художник отказался. Хорошо видно начало изображения морды собаки.

На гальке воспроизведена сцена реальной охоты. Использование собак при охоте в древности общеизвестно.

Сюжет рисунка находится в полном соответствии с тем, что известно о быте кочевников, обитавших в горах и занимавшихся охотой на горных животных.

Находка уникальна для Средней Азии. Здесь пока неизвестны ни выбитые на подобных гальках-кайраках писаницы, ни вообще изображения подобного стиля и техники.

По данным А. Н. Бернштама, наиболее близкие писаницы с резными и высеченными контурными изображениями с Ферганского хребта относятся к VI—VIII вв., что вполне соответствует датировке найденных нами изображений³.

Важно отметить, что техника изображения неполным контуром при-суща писаницам тюркского времени на местах расселения древнетюркских племен, входивших в VI—VIII вв. в каганат восточных тюрков. Аналогичные по технике и стилю писаницы VI—VIII вв. известны в Монголии⁴, на Алтае⁵ и в Забайкалье у курьян⁶.

Стилистическое сходство найденного в буддийском храме Ак-Бешимского городища изображения на гальке с указанными выше наскальными

³ А. Н. Бернштам. Наскальные изображения Саймалы-Таш. СЭ, 1952, № 2, стр. 60.

⁴ Г. И. Боровка. Археологическое обследование среднего течения р. Толы. Сб. «Северная Монголия», вып. II, Л., 1927, стр. 80 и рис. 11а.

⁵ П. П. Хороших. Писаницы Алтая. КСИИМК, вып. XIV, 1947, стр. 21—23.

⁶ А. П. Окладников. История Якутии, т. 1. Якутск, 1949; Ср. П. П. Хороших. Писаницы на горе Манхай. КСИИМК, вып. XXV, 1949, рис. 48—49; его же. Наскальные рисунки на горе Манхай II. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, рис. 58—59.

изображениями позволяет датировать его VIII в. н. э. Хорошо датируется находка и стратиграфически. Слой, где она обнаружена, связан с временем разрушения храма и обитания там кочевников. В этом слое найдены типично тюркские железные и бронзовые поясные пряжки, бляшки наборных поясов, железные наконечники стрел, относящиеся к VIII—IX вв.

Находка гальки с кочевническим по сюжету рисунком в здании, прежде принадлежавшем земледельческому населению, еще раз подтверждает факт разрушения храма тюркоязычными кочевыми племенами.

Стилистическое сходство рисунка с наскальными изображениями Алтая и Центральной Азии позволяет сделать вывод об этнической близости древних алтайских тюрок с тюркскими племенами, расселившимися в это время в Северной Киргизии. Это подтверждает мнение Л. Р. Кызласова о том, что разрушение буддийского храма следует связывать с вторжением в северную Киргизию тюркоязычных карлуков, господствовавших здесь вплоть до караханидского завоевания⁷. Известно, что карлуки — выходцы с Алтая. Этим и объясняется появление в Ак-Бешиме писаницы, характерной для алтайских тюрок.

⁷ Л. Р. Кызласов. Указ. соч.